

С. Ю. Белоруссова, Н. А. Черняева

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧУКОТСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ: ОТ СОВЕТСКОГО АНЕКДОТА К СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЕ

doi: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-6-16

УДК 39(=947.121)

ББК 63.529(255)

В статье исследуется эволюция репрезентаций чукотской этничности в советской культуре и постсоветских сетевых медиа. В СССР чукчи были одним из самых упоминаемых коренных народов Севера, однако их образ в массовой культуре сводился преимущественно к закреплённому анекдотами комическому стереотипу о северном аборигене и простаке. Этот упрощённый конструкт вытеснял более сложные репрезентации, создаваемые чукотскими авторами, и надолго закрепился в массовом сознании. С развитием интернета и цифровых коммуникаций у этнических сообществ появились новые инструменты для саморепрезентации. Анализ мемов, этноблогов, хэштегов и онлайн-сообществ демонстрирует, что смеховой образ чукчи сохраняется, но становится предметом критики и рефлексии. Одновременно происходит возврат к досоветским нарративам, например, к мифу о «воинственном чукче». Современные цифровые практики позволяют чукотскому сообществу формировать новый образ, основанный на агентности и творческом переосмыслении идентичности. Виртуальные медиа становятся важным инструментом деконструкции советских стереотипов и формирования альтернативных (само)репрезентаций.

Ключевые слова: *чукчи, репрезентация, чукотский цикл анекдотов, этнографическое воображаемое, этносетевая культура, мемы, этноблогинг*

Статья посвящена сравнительному анализу репрезентаций чукотского этноса в советской массовой (1960-е–1990-е гг.) и современной сетевой культурах. С развитием интернета и появлением возможности напрямую высказываться в сети, минуя посреднические культурные институты, современные этносы стали репрезентировать себя в публичной сфере уникальным и самобытным образом. Означает ли это, что устойчивые формулы репрезентации этничности в культурных и художественных практиках предшествующих периодов не оказывают больше влияния на способы и модели саморепрезентации этноса? Если же они сохраняют актуальность, то в какой мере репрезентации чукотской этничности в современной цифровой культуре опосредованы прежними, советскими моделями, а в какой мере они конструируются по-новому? Какие виртуальные инструменты явля-

ются наиболее частотными и востребованными в (само)репрезентациях чукотской этничности?

Цель статьи — проследить как преемственность, так и трансформации репрезентаций чукотского этноса в советской массовой и современной сетевой культурах, анализируя наиболее частотные практики и инструменты. Выбор чукотского этноса среди других народов в качестве материала для анализа был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это высокая представленность чукчей в советском этнографическом воображаемом.¹ Чукчи были одним из наиболее популярных, узнаваемых этносов в советский период, что выразилось в большом количестве фильмов, литературных произведений, а также в широком распространении такого фольклорного жанра, как «анекдот про чукчу». Во-вторых, существует довольно обширная критическая литература, анализирующая произведения советского периода, посвященные чукотскому народу: это киноведческий анализ фильмов, исследования творчества писателей чукотского происхождения, работы фольклористов, анализирующих кор-

Белоруссова Светлана Юрьевна — к.и.н., заведующая лабораторией музейных технологий, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: svetlana-90@yandex.ru

Черняева Наталья Анатольевна — к.филос.н., с.н.с. лаборатории музейных технологий, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: chernyayeva@kunstkamera.ru

¹ Мы используем понятие «этнографическое воображаемое» по аналогии с более распространенным понятием «географического воображаемого» для обозначения совокупности разделяемых в обществе представлений об этничности — образах, стереотипах, мифах и нарративах, которые конструируют понимание «своей» или «чужой» этнической идентичности. Подробное описание этого понятия будет дано ниже в статье.

пус анекдотов и шуток про чукчей. Однако авторы этой литературы, оставаясь в рамках собственных исследовательских задач, никогда не выделяли повторяющиеся, устойчивые схемы репрезентации чукотского этноса и тем более не ставили задачи сравнить эти схемы с современными моделями саморепрезентации чукчей в онлайн-формате.

Методологически работа опирается на несколько ключевых концептов в современной этнографии и социокультурной антропологии. Во-первых, это концепт «дрейфа этничности», разработанный А. В. Головнёвым, согласно которому этничность представляет собой динамический процесс, изменяющийся под влиянием внешних и внутренних факторов, таких как взаимодействие локальных и магистральных культур, миграция, конфликты и адаптация.² Также важным является подход «новой этнографии», которая ориентирована как на изучение традиций прошлого, так и на анализ современного этнокультурного потенциала, «включая применение новейших средств визуализации и цифровизации».³

Задача сравнительного анализа текстовых, визуальных и киберрепрезентаций этничности потребовала комбинации нескольких методов исследования. Для анализа образов чукчей в советской массовой культуре применялся дискурсивный анализ текстов, позволяющий выявить скрытые идеологии, стереотипы и механизмы конструирования идентичностей. Анализ цифровых репрезентаций производился с помощью методик киберэтнографии, понимаемой как ресурс презентации и функционирования современной этничности коренных народов.⁴ Кроме того, в работе применялись методы полевого наблюдения как в физическом (экспедиционные исследования в Чукотский автономный округ), так и в виртуальном пространстве. Включенное онлайн-наблюдение позволяло следить за страницами блогеров, постами, реакциями и комментариями в группах «ВКонтакте» и Телеграмм-каналах, посвященных мемам различных этнических сообществ.⁵ Сбор

количественных данных мы проводили в группах социальных сетей, а для анализа и презентации представляемых материалов применяли код, написанный на языке программирования Python.⁶

*Чукотский этнос в советском
«этнографическом воображаемом»*

Слово «чукча» шире его <...> этнического референта, поскольку в своем широком бытовании оно связывается не только с жителями Чукотки, но и с представителями фактически всех народностей Крайнего Севера.

К. Богданов

Слова для эпиграфа взяты из работы Константина Богданова «Чудак, чувак и чукча: историко-филологический комментарий к одному анекдоту», посвященной «чукотскому циклу» в советских анекдотах.⁷ По мнению Богданова, образ чукчей претерпел кардинальную трансформацию в советский период по сравнению с представлениями XVIII–XIX вв.: суждения о чукчах как о воинственных, суровых и необузданных жителях Крайнего Севера на страницах путевых заметок Г. Георги и Ф. Крашенинникова были вытеснены образом доверчивых и добродушных северных аборигенов.⁸ Одновременно со смысловой трансформацией произошло метонимическое замещение образов коренных народов Крайнего Севера: саамов, манси, ненцев, энцев, хантов, селькупов, нганасанов и др. — образами чукчей. В советском массовом сознании чукча стал, по меткому выражению В. Ю. Михайлина, «всесоюзным туземцем».⁹

В любом обществе представления об этнической идентичности образуют систему образов, стереотипов и мифов, создающих в совокупности то, что мы назвали коллективным этнографическим воображаемым. Понятие «этнографического воображаемого» близко к определению нации как «воображаемого сообщества» Бенедикта Андерсона (и во многом вырастает из него),¹⁰ а также той аналитической традиции,

² См.: Головнёв А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4. С. 46–55.

³ Головнёв А. В. Абазины: обновление этничности, или мастерская новой этнографии // Этнография. 2024. № 3 (25). С. 6–45.

⁴ См.: Белорусова С. Ю. Открытость и закрытость: этнические стратегии коренных малочисленных народов в виртуальности и реальности // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 223–240.

⁵ См.: Belorussova S. Yu., Maretina K. A., Komova E. A. Cyberfield: Theory, Methodology, and Practice // Changing Societies and Personalities. 2025. Vol. 9, № 1. P. 11–28.

⁶ Мы выражаем благодарность стажеру-исследователю МАЭ РАН У. Д. Кукановой за помощь в сборе материала.

⁷ См.: Богданов К. А. Чудак, чувак и чукча: историко-филологический комментарий к одному анекдоту // Русский политический фольклор: исследования и публикации. М., 2013. С. 133–146.

⁸ См.: Там же. С. 138.

⁹ Михайлин В. Ю. Всесоюзный туземец: чукча в анекдоте и кино // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 146–154.

¹⁰ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

в которой «этническая идентичность определяется как операция социального конституирования “воображаемых общностей”, основанных на вере, что они связаны естественными, и даже природными связями».¹¹ Однако этнографическое воображаемое включает, помимо идентификации со своей нацией, представления о других этносах. К примеру, советское этнографическое воображаемое включало образы наций и народов, объединенных идеологией «дружбы и равенства», проживающих на определенных территориях в пространстве СССР.

Этнографическое воображаемое формируется с помощью популярных образов, нарративов, стереотипов и мифологем; оно не отличается точностью и полнотой, характерной для научной этнографии. В каждую эпоху в коллективном воображаемом возникает ограниченный набор часто упоминаемых, хорошо узнаваемых этносов. Так, на рубеже XIX–XX вв. таким этносом стали, к примеру, самоеды (ненцы), чьи образы в виде фотографий, открыток, популярных изданий циркулировали намного активнее, чем образы других народов Севера.¹² В советский период на фоне общей популярности темы покорения Крайнего Севера именно чукчи стали наиболее часто упоминаемым этносом среди всех коренных северных народов в советской массовой культуре. Первые заметные произведения, посвященные чукчам и Чукотке, появились в середине 1930-х гг. Как справедливо отметил Богданов, популяризация чукотской культуры была во многом связана с просветительской деятельностью Тихона Захаровича Семушкина (1900–1970).¹³ Семушкин, по его собственному признанию, увлекся Чукоткой и «аборигенами тундры» после знакомства с работами В. Г. Богораз-Тана. Написав письмо Богоразу, он отправился на Чукотский полуостров в составе экспедиции, целью которой являлась «ликвидация иностранной концессии».¹⁴ В дальнейшем он принимал участие в создании чукотской письменности под руководством Богоразы, в 1928 г. был директором первой школы-интерната для детей-чукчей в селе Лав-

рентия. Опубликовав в журнале «Советский Север» статью «Опыт работы по организации школы-интерната чукотской культбазы ДВК»,¹⁵ он затем на ее основе написал повесть «Чукотка» и сценарий фильма «Романтики» (1941, реж. М. Донской).

В 1947 г. Семушкин опубликовал роман «Алитет уходит в горы» о драматичном выборе между традиционным укладом и советской модернизацией, на основе которого в 1949 г. был снят фильм с таким же названием. Фильм исследует треугольник власти, в который вовлечены американский купец, хищнически обирающий охотников-чукчей с помощью местного царька, представители зарождающегося советского режима («белые начальники», по выражению туземцев) и коренное население чукотского поселка. Через эту динамику повествование исследует темы колониализма и конфликта между новым советским и старым имперским порядками. Фильм, как и роман, получил широкую известность и был удостоен Сталинской премии.

Почти 20 лет спустя, в 1966 г., на экраны страны вышла картина, практически повторяющая сюжетные коллизии фильма «Алитет уходит в горы», но решающая их в комическом ключе. Это фильм Виталия Мельникова «Начальник Чукотки», действие которого тоже происходит в первые годы установления советской власти на Чукотке. Комический модус повествования задан уже открывающими фильм титрами: списки актеров в массовых сценах предваряются явно пародийными категориями «Наши», «Контра (внутренняя)», «Контра (внешняя)» и «Граждане Чукотки». В роли большого партийного начальника здесь оказывается юный писарь с внешностью подростка, чей энтузиазм и вера в большевистскую идеологию приходят в противоречие с масштабом задач и реалиями чукотской жизни. Собрал миллион долларов в виде пошлины от продажи пушнины для Советской страны, он вынужден бежать в Америку, когда в поселок приходят казаки, снаряженные контрреволюционным правительством; затем он возвращается в СССР, но лишается миллиона, став жертвой вора-карманника. Авантюрный и комический характера фильма сделал его необычайно популярным у зрителей: в 1967 г. его посмотрели 15,7 млн человек.¹⁶

¹¹ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 116.

¹² Один из авторов научно-популярной литературы о народах Российской империи сокрушался, что «самоедами для детского мира ограничиваются все познания о России». См.: Александров Н. А. Народы России. Этнографические рассказы для детей. Пустыни Севера и их кочующие обитатели. М., 1898. С. 5.

¹³ См.: Богданов К. А. Указ. соч. С. 135.

¹⁴ Семушкин Тихон Захарович // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://w.wiki/EVyg> (дата обращения: 10.06.2025).

¹⁵ Семушкин Т. З. Опыт работы по организации школы-интерната чукотской культбазы ДВК // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 171–192.

¹⁶ Начальник Чукотки // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://w.wiki/EWQF> (дата обращения: 10.06.2025).

Смеховой модус репрезентации чукотского этноса, сформированный фильмом, трансформировался в 1960-е гг. в специфический фольклорный жанр «анекдота про чукчу». Михайлин в уже упоминавшейся статье «Всесоюзный туземец» утверждает, что именно фильмы «Али-тет уходит в горы» и «Начальник Чукотки» стали прецедентными текстами всего корпуса советских анекдотов про чукчу. По его мнению, «анекдотическая традиция усвоила и использовала ряд значимых элементов исходного кинодискурса», прежде всего «столкновение двух тематических областей — “цивилизации” и “дикости”».¹⁷

Схожей точки зрения о влиянии фильмов на появление серии анекдотов про чукчу придерживается Богданов. Задавая вопрос, почему эти анекдоты получают распространение не ранее конца 1960-х гг., он отвечает: «Влияние кинофильмов на создание анекдотического жанра именно в СССР — факт засвидетельствованный. Не книга, но именно экран порождает анекдоты о Чапаеве и Штирлице. <...> Можно предположить, что так обстояло дело и в данном случае».¹⁸

Слияние нейтрального этнонима «чукча» с фольклорным смеховым образом героя анекдотов маркирует кардинальный сдвиг в системе репрезентаций чукотского этноса. Анекдот как доминирующий вид советского фольклора имел действительно массовое хождение, отражая специфическое мировосприятие советской городской интеллигенции. Как подчеркивают исследователи современного фольклора, «персонажи анекдотов носят прецедентный характер, то есть являются известными, узнаваемыми фигурами-пародиями национальной культуры, либо мифологизированными этническими типажками (“чукча”, “грузин”, “еврей”, “русский”, “хохол” и др.), за которыми в массовом сознании закреплены характерные образы, ментальные стереотипы (чаще всего односторонние, условно-схематические)».¹⁹ Параллельно в 1960-е гг. появляются реалистические и драматические образы Чукотки, освещающие проблемы взаимодействия коренных народов Севера с современной цивилизацией, например, в творчестве чукотского писателя Юрия Рытхэу, чей сборник рассказов «Чукотская сага» вышел в 1957 г. Од-

нако для носителя массового сознания именно стереотипный смеховой образ чукчи — героя анекдотов, обладавший к тому же высокой культурной вирулентностью, оставался доминирующим. Таким образом, смеховой образ чукчи не просто преобладал в массовой культуре, но и вытеснял альтернативные, более сложные репрезентации этноса.

Конструирование образа чукчи в советском анекдоте

В наиболее подробном на сегодняшний день «Указателе записей советских анекдотов» М. Мельниченко зафиксировано 29 анекдотов про чукчу, когда-либо опубликованных в сборниках анекдотов, СМИ, материалах фольклористов-любителей.²⁰ Один из исследователей советского анекдота Эмиль Драйцер приводит в своей книге, посвященной этническим анекдотам, 54 анекдота про чукчу.²¹ Очевидно, что это далеко не полные списки, так как большинство анекдотов циркулировали в устной форме и никогда не были записаны. Анекдотам про чукчу посвящены десятки работ фольклористов, лингвистов, культурологов и историков. Исследователей интересуют жанровые предшественники анекдота про чукчу, факторы, обусловившие выбор именно чукчей, наряду с грузинами, евреями и т. п., герои этнических анекдотов, этностереотипы, отразившиеся в анекдотах, речевые характеристики персонажей и т. д. Целью нашего обзора сложившегося корпуса литературы является выделение основных дискурсивных структур чукотского цикла анекдотов, выявляющих типологические модели репрезентации чукотского этноса в советском идеологическом поле.

Одним из частых исследовательских вопросов в работах является вопрос о том, почему именно чукчи среди почти тридцати малых народов Севера приобрели привилегированный статус в городском фольклоре, заняв важное место в советском культурном (под-)сознании.²² Многие исследователи-лингвисты видят причину этого в фонетических и грамматических особенностях слова «чукча», в частности в том, что в русском языке существует корреляция между фонетическим комплексом «чу-» и пейоративным оттенком слова, например,

¹⁷ Михайлин В. Ю. Указ. соч. С. 147, 148.

¹⁸ Богданов К. А. Указ. соч. С. 137.

¹⁹ Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. Санкт-Петербург. СПб., 2002. С. 20.

²⁰ См.: Мельниченко М. Советский анекдот. Указатель сюжетов. М., 2021.

²¹ См.: Draitser E. A. Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. Detroit, 1998.

²² См.: Грэхем С. Цикл анекдотов про чукчей: откуда, однако? // Живая старина. 2007. № 4. С. 33.

«чувырла», «чумичка», «чучело» и т. д. В «Кратком иллюстрированном словаре стереотипов» отмечается, что морфология слова «чукча» также способствует его восприятию как пейоративного: «этноним, который по своим грамматическим свойствам примыкает к разряду слов, обладающих преимущественно негативными коннотациями и обозначающих человека по его негативным свойствам. Поэтому чукча — это не этнос, а “диагноз”, нелестная характеристика».²³

Как было отмечено выше, основной нарративов в анекдотах про чукчу является оппозиция между «цивилизацией» и «дикостью». Чукча в анекдотах — природный, естественный человек Руссо, не знакомый с цивилизацией и попавший в чужую для него городскую технократическую среду.²⁴ При этом наивность чукчи в разных анекдотах может трактоваться и как его слабость, и как его сила. Михайлин связывает двойственность образа чукчи с тем, на какой из прецедентных кинотекстов опирались создатели анекдотов. Речь, конечно, идет не о прямом цитировании, а об использовании «колониальной» или, наоборот, «деконструирующей» модели. Некритичная трансляция колониального дискурса *à la* «Алитет» приводила к серии анекдотов, высмеивающих неадекватность и необразованность «дикаря».²⁵ В этих анекдотах чукча, не понимающий сложности общественного устройства и социальных конвенций, становится объектом манипуляций, обмана и унижения, но даже не осознает этого.²⁶ В то же время большая группа анекдотов обыгрывает наивность чукчи как возможность говорить правду в условиях идеологического диктата и советского лицемерия, не боясь преследования. В этом смысле образ чукчи, как показывают исследователи, близок к образам шута при дворе или Иванушки-дурачка из русских сказок, который остраивает, абсурдизирует то, что лежит на поверхности, достигая глубины вещей. Чукча в анекдотах часто обнажает негативные, бесчеловечные стороны модернизации, демонстрируя глубокое знание природных связей и стихий. По мнению Михайлина, тип нарратива, в котором чукча оказывается информированнее русских профессионалов, берет свое начало в сцене из фильма «Начальник Чукотки», в ко-

торой Бычков мечтает потратить полученные от продажи пушнины деньги на строительство железной дороги, а его чукотский напарник замечает, что как только появится железная дорога, исчезнет песец — единственный источник дохода.²⁷ Таким образом, нарратив анекдотов о чукче строится на амбивалентности его образа, который балансирует между полюсами невежественного дикаря и мудрого простака, отражая как стереотипы колониального дискурса, так и его деконструкцию.

Популярность чукотских анекдотов заключалась еще и в том, что Чукотка выступала метафорой природной экстремальности. Жизнь чукчей была, очевидно, намного сложнее и тяжелее жизни русских. Для рассказчиков анекдотов — представителей городского населения страны — анекдоты про чукчу могли выполнять терапевтическую функцию, так как конструировали образ народа, живущего в условиях, которые превосходят по лишениям и тяжести их собственную жизнь. В то же время, как показывают исследователи, существовало довольно много анекдотов, в которых рассказчики идентифицировали себя с персонажами, прежде всего с терпением и способностью приспособиваться к сложным природным и экономическим условиям. Эта особенность образа чукчи позволила Драйцеру сделать вывод, что чукчи в анекдотах представляли собой «искаженный зеркальный образ проблем и сложностей русских людей». Чукча, по мнению Драйцера, — это «русский национальный клоун, Петрушка своего рода, который, несмотря на битые, не теряет присутствия духа».²⁸

Исследователи советских анекдотов часто трактуют их как отдушину в условиях идеологического давления, форму народного сопротивления или способ сохранения критического мышления в эпоху тотальной пропаганды. Однако анекдоты, создававшие тотально-смеховой образ чукотского этноса, были амбивалентны: выполняя терапевтическую функцию для русского большинства, они, вероятно, создавали травмирующий опыт для тех, кто мог ассоциировать себя с героями анекдотов. Т. Брачун пишет об анекдоте как инструменте смеха «цивилизованного человека»: «Практически, мы имеем дело с ... вероломством цивилизации, подвергающей осмеянию то, что для человека этнической культуры кажется естественным

²³ Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов: к 60-летию П. А. Клубкова. СПб., 2009. С. 129.

²⁴ См.: Шмелева Е. А., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002. С. 53.

²⁵ Михайлин В. Ю. Указ. соч. С. 149.

²⁶ См.: Draitser E. A. Op. cit. P. 84, 85.

²⁷ См.: Михайлин В. Ю. Указ. соч. С. 153.

²⁸ Draitser E. A. Op. cit. P. 100.

и нормальным».²⁹ Иными словами, смеховой образ играет далеко не только эмансипирующую роль. Вслед за философом С. С. Аверинцевым, рассуждавшим о «терроре смеха»,³⁰ можно говорить о проблематичном и даже репрессивном характере смехового образа чукчей в советском этнографическом воображаемом.

От «чукчи» к «человеку»: репрезентации чукотской этничности в современной цифровой культуре

Сохраняются ли элементы смехового образа чукотского этноса сегодня, в репрезентациях чукчей посредством цифровых медиа? В завершающих разделах статьи будут рассмотрены следующие виртуальные инструменты представления чукчей в сети.

1. *Мемы* — форма самовыражения в сети, представляющая собой способ передачи идей, эмоций и комментариев в легкой и доступной форме. Это реплицирующаяся, то есть воспроизводимая единица информации, которая распространяется в вирусной манере посредством имитации, а также подвергается вариациям и отбору.³¹ Мемы часто отражают мнения и стереотипы, становясь «лакмусовой бумажкой» отношения к народу как внутри группы, так и за ее пределами.

2. *Онлайн-сообщества* — это группы пользователей в сети, сформированные на основе общих интересов, черт и желаний взаимодействовать. В данной работе будут исследованы онлайн-сообщества, так или иначе связанные с чукотской идентичностью, на основе анализа качественных и количественных данных.

3. *Этнические блогеры и (кибер)лидеры (этноинфлюенсеры)* сегодня оказывают значительное влияние на публику, создавая этнический контент и порой представляя новый или обновленный образ этнической группы. В этой части работы будет рассмотрено творчество нескольких чукотских этноблогеров, проанализировано содержание их блогов.

4. *Хэштеги* — это слова или фразы с символом #, используемые в социальных сетях для обозначения темы, категории или ключевого слова. С точки зрения этнической идентичности хэштеги позволяют определить контексты

использования слов и выражений, а также выстраивать границы «своих» и «чужих», обозначая собственное пространство во внутренней динамике сообщества.

Мемы

Мемы на этническую тему условно можно разделить на внутренние (созданные представителями данного народа) и внешние (основанные на взгляде на народ стороннего наблюдателя). Таким образом, мемы становятся двойственным инструментом, который одновременно может укреплять стереотипы и способствовать их разрушению, открывая новые горизонты восприятия этнической идентичности. Проведенные исследования этнических мемов в социальных сетях и мессенджерах показали, что внутри чукотского сообщества отсутствуют специализированные группы, посвященные мемам. В то же время в сети существуют различные чаты и обсуждения, где публикуются мемы о чукчах, созданные представителями других этносов. Как и в советских анекдотах, представители чукчей изображаются экзотическими или странными, отличающимися поведением, языком и стилем жизни от условного культурного большинства. В целом мемы о чукчах можно разделить на несколько категорий в зависимости от того, чему они посвящены.

Образ. Современные мемы о чукчах, в отличие от советских анекдотов, часто обыгрывают религиозно-культурный синкретизм. Например, мем с «грустным чукчей» и подписью «То чувство, когда тебя не поздравили с Рождеством Христовым» не только воспроизводит клишированный образ, но и актуализирует тему христианизации, отсутствовавшую в советском фольклоре. Образ «воинственного чукчи», совершенно не характерный для советской традиции, возвращается в виде мема: «Мы чукчи-сибиряки — воинственный народ». Экстремальные природные условия, которым было посвящено довольно много советских анекдотов, также становятся предметом шуток в мемах, например: «Жители Чукотки не боятся конца света, они в нем живут», — подчеркивая адаптивность народа. Мем «Чукча — это навсегда» работает как самоутверждающий слоган, контрастируя с советскими нарративами, в которых чукча был объектом насмешки. Наконец, мем «Чукчу каждый может обидеть» отсылает к известной шутке, которую приписывают А. Миронову: «Художника может обидеть каждый, а материально поддержать — никто» (рис. 1).

²⁹ Брачун Т. А. Анекдоты о чукчах как специфическое явление современной культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 3 (58). С. 60.

³⁰ Аверинцев М. М. Бахтин, смех, христианская культура // Бахтин как философ. М., 1992. С. 10.

³¹ См.: Кузнецов И. Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. М., 2022.

Рис. 1. Мемы про чукчу
с сайта <https://www.meme-arsenal.com/>

Язык. Современные интернет-мемы активно эксплуатируют фонетическую сложность чукотских имен, например, Ятгыргын, Иуненеут, Нутеуги. Яркой иллюстрацией служит мемизация имени чукотского художника Валерия Выквырагтыргыгына, зафиксированного в скриншоте телепередачи «Вести» (рис. 2). Этот мем демонстрирует несколько стратегий комического обыгрывания: «Ну и сложное у тебя имя, Валерий», «Как звук запуска жигулей зимой», «Не жалею, не зову, не плачу / Все пройдет, как белых яблонь дым. / Увядаешь золотом охваченный я — (скрин изображения) Валерий Выквырагтыргыгына». Другой показательный пример — мем с изображением ребенка в яранге, использующий гиперболизированно длинный искусственный антропоним (Елдыбыхтунхундурбырдынканым — Жылдырбылханкундыкчандынкансурмуну). Этот прием восходит к традиции «невозможных имен», характерной для языкового юмора.

Чукчи: Ох и сложное имя у тебя — Валерий

Рис. 2. Мем про чукчу

Кринж. В некоторых мемах отражено устаревание шуток про чукчу, которые на сегодняшний день уже не кажутся смешными. Например, в одном из мемов изображен Евгений Петросян, который стал символом несмешного юмора, с надписью: «Зачем чукчам холодильники? Они в них греются». Учитывая, что мем представляет собой классический советский анекдот, можно говорить о том, что современная миметическая культура фиксирует устаревание определенных форм этнического юмора.

Чукча-победитель. Современные мемы о чукчах часто используют инверсию традиционных оппозиций, переосмысливая черты коренного образа жизни через призму превосходства над западными моделями цивилизации. В этом контексте формируется образ чукчи-победителя, где изначально маркируемые как «примитивные» элементы культуры (натуральное хозяйство, традиционная одежда) репрезентируются как экологически и этически превосходящие современные практики. Один из мемов представляет собой изображение людей на фоне яранги с надписью: «Самый богатый народ на планете. Каждый день едят мясо и рыбу, одеваются в натуральные меха». Другой мем показывает «мускулистую» собаку (чукчу) и других образно «слабых» собак (с надписями «американец», «русский», «немец», «француз»). Надпись на изображении гласит: «Анекдот, в котором есть чукча», — что указывает на очевидную рефлексию советской традиции.

Таким образом, современные мемы, посвященные чукчам, отчасти наследуют традиции советских анекдотов и частично воспроизводят их структуры и нарратив. Очевидно также, что советская смеховая традиция переосмысливается и часто сама служит предметом насмешки. Важно, что большинство мемов, циркулирующих в сети, создаются не чукотскими сообществами, модераторами которых являются сами представители народа, а иными группами, продвигающими этнический юмор, являясь стереотипной репрезентацией народа, а не его самовыражением.

Онлайн-сообщества

В рамках исследования мы проанализировали группы и сообщества в социальных сетях «ВКонтакте» (12 групп) и «Одноклассники» (8 групп). Эти сообщества в основном посвящены изучению языка, творческим коллективам, исследователям Чукотки, туристическим маршрутам, а также предоставляют площадку для диалога среди чукчей, проживающих на Чукотке или переехавших в другие регионы. К числу таких групп относятся «Веселые Чукчи и Эскимосы», «Чукчи в Контакте», «Дети Чукотки», «Подслушано у Чукчи», «Чукчи рулят», «Учим чукотский язык» и «Традиционный чукотский ансамбль “Кочевник”».

Группы в Одноклассниках были созданы в период с 2013 по 2023 гг., тогда как во ВКонтакте — с 2007 по 2021 гг. В группах «ВКонтакте» насчитывается 5 614 уникальных подписчиков,

среди которых преобладают молодые люди в возрасте 30–39 и 40–45 лет. Половозрастное распределение подписчиков показывает небольшой перевес женщин: 56 % — женщины, 44 % — мужчины.

Согласно полевым наблюдениям, чукчи с интересом относятся к юмору в свой адрес и даже рассказывают свои «любимые анекдоты». В одном из частотных анекдотов, который, судя по воспоминаниям, был также любимым у Рытхэу, обыгрывается противопоставление узкоэтнического и общечеловеческого в образе народа: «Сидят двое чукчей в яранге и слышат вопль: “Люди! Помогите!” Один другому говорит: “Вот, как в тундре — так люди, а как в ГУМе — так чукчи”». Одна из популярных групп «ВКонтакте» называется «Веселые чукчи и эскимосы», и в ее описании указано, что «чукчи неосознанно поднимают настроение=)))». На аватаре другой чукотской группы «Чукчи ВКонтакте» изображен смеющийся чукча.

Согласно недавнему анкетированию, у чукчей наблюдается неоднозначное отношение к их образу, сформированному в массовой культуре. С одной стороны, многие чукотские пользователи считают свою культуру неотделимой от смеха и юмора. На вопрос анкеты о самых популярных темах, касающихся их народа, обсуждаемых в интернете и СМИ, распространенным вариантом ответа стали «анекдоты». ³² С другой стороны, обсуждая необходимость научных работ по этнографии чукчей, одна из представительниц их народа выразила надежду, что благодаря исследованиям о них «перестанут шутить».

Такая тенденция перехода от смеха к серьезности, от «чукчи» к «человеку» наблюдается в онлайн-сообществах. Например, одна из групп упоминает, что «коренные народы Чукотки называют себя на чукотском языке ‘лыгъора-вэтлан’, что означает ‘настоящие люди’, а на эскимосском — ‘ю’ — ‘человек’, ‘югыт’ или ‘юпик’ — ‘настоящий человек’». Самоописание одной из чукотских групп в Одноклассниках — «Мы жили, живем и будем жить», — подчеркивает жизнестойкость народа и свидетельствует о взгляде на этнос изнутри, а не извне. Согласно анализу комментариев в чукотских группах (всего 517 комментариев), одним из самых часто используемых слов является «человек» (29 упоминаний, третье место среди других

слов). В отличие от мемоветических репрезентаций, в онлайн-сообществах прослеживается тенденция к конструированию позитивной самоидентификации, а также к формированию агентности чукчей, выражающейся в стремлении к артикуляции собственной субъектности и активному участию в создании публичного имиджа.

«Чукча писатель»: чукотские блогеры и лидеры

Одним из самых известных анекдотов о чукче является так называемый анекдот о «чукче-писателе». Один из его вариантов звучит так: «Чукча пришел поступать в литературный институт. Ему говорят: “Расскажите нам о творчестве Пушкина.” Молчит. — “А про Чехова?” Чукча с обидой в голосе отвечает: “Чукча не читатель, чукча писатель”». Сегодня среди чукчей существует более десяти блогеров, которые пишут о своей культуре, снимают видео и записывают подкасты. Одним из первых популярных блогеров оказался как раз пользователь с ником «чукча-писатель». В своем блоге он обсуждает проблемы коренных малочисленных народов и поднимает вопросы отстаивания прав на охоту и рыбалку. Название блога «чукча-писатель» стало довольно распространенным среди пользователей и часто применяется независимо от этнической принадлежности, например, чтобы продемонстрировать самоиронию и неопытность в создании онлайн-текстов и блогов.

Еще одним популярным блогером с Чукотки стала «Дурочка с Севера», которая также использовала анекдотический стереотип о чукчах в своем названии. По словам авторки, прежнее название «Чукотка/Певек» не принесло ей должной известности, тогда как на «Дурочку с Севера» подписывались гораздо охотнее.

Стереотипы в отношении чукчей проявляются не только в названиях блогов, но и в их содержании. Например, страница «Дневник чукчи: что вижу, о том и пою» в Одноклассниках связана с публикацией контента про алкогольные напитки. Согласно описанию, «в данной группе представлены рецепты алкогольных напитков и закусок». Алкоголизм, с одной стороны, является реальной проблемой среди чукчей, с другой — породил определенный стереотип, что все чукчи пьют.

Тем не менее со временем среди чукчей появляются блогеры, которые представляют себя носителями своей этничности. Например,

³² См.: Белоруссова С. Ю. Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 82.

чукчанка Екатерина Козуб рассказывает о своей этнической идентичности. Другая пользовательница, *Olit Tevlyanant*, позиционирует себя как «исполнительницу традиционного горлового пения, современных этнических и фольклорных песен Чукотки». Пользователи выкладывают видео о Чукотке, используя нейтральные названия своих каналов. Таким образом, этнический блогинг становится не только наследием юмористического образа чукчей, но и все более независимым инструментом их самовыражения.

Хэштеги

В сети *Instagram*³³ существует более 5 000 упоминаний хэштегов #чукча и #чукчи. Они маркируют материалы, посвященные чукотскому этносу, самообозначения этнических чукчей, но также и обозначения пользователей, которые по какой-то причине идентифицируют себя как чукчи, не принадлежа к чукотскому этносу. Один из популярных роликов с хэштегом #чукча — это видео с прямой линии В. В. Путина в 2024 г., где представитель коренных народов Чукотки рассказывал о забавных случаях в тундре, о том, что его дети знают имя президента с четырехлетнего возраста, а также и о некоторых экономических проблемах в регионе. Тэг #чукча, данный ролику, предсказуемо упрощает его содержание, акцентируя внимание на этническом, экзотическом колорите, которым был окрашен диалог.

По хэштегу #чукчанка (более 1 000 упоминаний) находятся записи о женщинах-чукчах, как правило, волевых и сильных. Например, пользовательница Айнана с хэштегами #чукчанка и #чукчанкастолице рассказывает о своем непримиримом «чукотском характере». Часто она сопровождает свои записи хэштегами #чукчирулят и #моягордость.

При этом само слово «чукчи» и хэштег #чукчи продолжают использоваться сторонними пользователями в качестве самоопределения. Например, в Телеграмме существует множество чатов с названием «чукчи», которые в основном представляют собой внутреннее обозначение определенного круга людей (например, одноклассников), отделяющих себя от других. Образ чукчей сегодня выступает индикатором оторванности, причем самосознание и истинные ценности народа становятся вторичными

в подобных интерпретациях. В современном обыденном сознании чукчи обозначают не просто этническую группу. Зачастую это стереотип, обладающий текучестью и способный трансформироваться в сознании людей, проходя свой собственный путь, не связанный с конкретным народом. Таким образом, образ чукчей становится многослойным: он включает в себя как элементы реальной культуры, так и вымышленные характеристики, создавая уникальный культурный феномен.

Заключение

Произведенный в статье анализ взаимодействия репрезентаций чукотской этничности в советской культуре и постсоветских сетевых медиа показал сложные, амбивалентные отношения между этими конструктами. В СССР чукчи были наиболее часто упоминаемым этносом среди всех коренных северных народов, в основном за счет сложившегося смехового образа, преобладавшего в массовой культуре. «Анекдоты про чукчу» вытесняли альтернативные, более сложные репрезентации этноса в творчестве чукотских писателей и художников, создавая в массовом сознании образ недалекого «северного аборигена», который был одновременно стереотипным и необычайно устойчивым. С появлением интернета и сетевой культуры значительно возросли возможности для репрезентации собственной идентичности у народов, заменив взгляд «снаружи», то есть с позиции доминирующей этнической группы, на взгляд «изнутри», то есть собственными глазами. Анализ различных форм репрезентации чукчей в виртуальном пространстве с помощью таких инструментов, как мемы, онлайн-сообщества, творчество этноблогеров и хэштеги, показал значительную трансформацию прежней смеховой стереотипной модели, а также возврат к некоторым досоветским, архаическим мифам, например о «воинственном чукче». Анекдотический образ чукчи проступает в ряде мемов, самоназваниях групп и блогов, но в целом он является предметом рефлексии и скорее отторжения, чем принятия. Виртуальные инструменты служат обновлению образа чукотского этноса как внутри сообщества, так и вовне, создавая самоутверждающий образ, основанный на осознании собственной агентности и креативности.

³³ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

Svetlana Yu. Belorussova

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: svetlana-90@yandex.ru

Natalia A. Chernyaeva

Candidate of Philosophical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: chernyaeva@kunstkamera.ru

REPRESENTATIONS OF THE CHUKCHI ETHNICITY:
FROM A SOVIET ANECDOTE TO MODERN ONLINE CULTURE

The article explores the evolution of representations of the Chukchi ethnicity from Soviet culture to post-Soviet online media. In the USSR, the Chukchi were among the most frequently referenced indigenous peoples of the North. However, their image in popular culture was largely reduced to the comic stereotype of a naïve northern “simpleton,” reinforced through jokes and anecdotes. This oversimplified construct displaced more nuanced portrayals created by the Chukchi authors and became deeply embedded in the public consciousness. With the rise of the Internet and digital communication, ethnic communities have gained new tools for self-representation. Analysis of the memes, ethnoblogs, hashtags, and online communities shows that while the comic image of the Chukchi endures, it is increasingly subject to critique and reinterpretation. At the same time, older narratives, such as the pre-Soviet depiction of the “warlike Chukchi,” are being revisited. Modern digital practices enable the Chukchi community to construct new representations grounded in agency and creative reimagining of identity. Virtual media thus serve as a key platform for dismantling Soviet-era stereotypes and developing alternative perspectives.

Keywords: *Chukchi, representation, Chukchi anecdotes, ethnographic imaginary, ethno-network culture, memes, ethnoblogging*

REFERENCES

- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kanon-Press Publ., 2001. (in Russ.).
- Averintsev M. M. [Bakhtin, Laughter, Christian Culture]. *Bakhtin kak filosof* [Bakhtin as a Philosopher]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 7–19. (in Russ.).
- Belorussova S. Yu. [Indigenous Small-Numbered Peoples of Russia: Virtual Ethnicity and Network Experiences]. *Etnografija* [Etnografija], 2022, no. 4 (18), pp. 84–111. DOI: 10.31250/2618-8600-2022-4 (18)-84-111. (in Russ.).
- Belorussova S. Yu. [Openness and Closedness: Ethnic Strategies of Indigenous Minorities in Virtuality vs Reality]. *Vestnik antropologi* [Herald of Anthropology], 2025, no. 2, pp. 223–240. DOI:10.33876/2311-0546/2025-2/223-240. (in Russ.).
- Belorussova S. Yu., Maretina K. A., Komova E. A. Cyberfield: Theory, Methodology, and Practice. *Changing Societies and Personalities*, 2025, vol. 9, no. 1, pp. 11–28. DOI: 10.15826/csp.2025.9.1.315 (in English).
- Bogdanov K. A. [Oddball, Dude, and Chukchi: A Historical and Philological Commentary on a Joke]. *Russkii politicheskii fol'klor: issledovaniia i publikatsii* [Russian Political Folklore: Research and Publications]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2013, pp. 133–146. (in Russ.).
- Brachun T. A. [Anecdotes about the Chukchi People as Modern Culture Phenomenon]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [The Humanities and Social-Economic Sciences], 2011, no. 3 (58), pp. 56–61. (in Russ.).
- Draitser E. A. *Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia*. Detroit: Wayne State University Press, 1998. (in English).
- Golovnev A. V. [Abazins: Renewal of Ethnicity, or Workshop of New Ethnography]. *Etnografija* [Etnografija], 2024, no. 3 (25), pp. 6–45. DOI 10.31250/2618-8600-2024-3(25)-6-45 (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Ethnicity Drift]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2009, no. 4 (25), pp. 46–55. (in Russ.).

Grekh S. [The Cycle of the Chukchi Jokes: Where Did They Come From?]. *Zhivaya starina* [Zhivaya starina], 2007, no. 4, pp. 33–35. (in Russ.).

Khimik V. V. [The Joke as a Unique Phenomenon of Russian Speech Culture]. *Anekdot kak fenomen kul'tury: materialy kruglogo stola 16 noyabrya 2002 g. Sankt-Peterburg* [The Joke as a Cultural Phenomenon: Proceedings of the Round Table Conference, November 16, 2002, St. Petersburg]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2002, pp. 17–31. (in Russ.).

Kratkii illiustrirovannyi slovar' klishe i stereotipov: k 60-letiiu P. A. Klubkova [A Concise Illustrated Dictionary of Clichés and Stereotypes: On the 60th Anniversary of P. A. Klubkov]. Saint Petersburg: Institut logiki Publ., 2009. (in Russ.).

Kuznetsov I. *Memy. Nauchnyi vzgliad na fenomen pop-kul'tury, zakhvativshii mir* [Memes: A Scientific View at the Pop Culture Phenomenon That Captured the World]. Moscow: Bombora Publ., 2022. (in Russ.).

Mel'nichenko M. *Sovetskiy anekdot. Ukazatel' siuzhetov* [The Soviet Joke. A Plot Index]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. (in Russ.).

Mikhailin V. Yu. [The All-Union Indigene: The Chukchi in Soviet Jokes and Cinematography]. *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], 2016, no. 2 (6), pp. 146–154. DOI: 10.17223/24099554/6/10 (in Russ.).

Shmeleva E. A., Shmelev A. D. *Russkiy anekdot: tekst i rechevoi zhanr* [The Russian Joke: Text and Speech Genre]. Moscow: Iazyki slavianskoy ku'tury Publ., 2002. (in Russ.).

Tishkov V. A. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Research in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 2003. (in Russ.).

Для цитирования: Белоруссова С. Ю., Черняева Н. А. Репрезентации чукотской этничности: от советского анекдота к современной сетевой культуре // Уральский исторический вестник. 2025. № 4 (89). С. 6–16. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-6-16.

For citation: Belorussova S. Yu., Chernyaeva N. A. Representations of the Chukchi Ethnicity: From a Soviet Anecdote to Modern Online Culture // Ural Historical Journal, 2025, no. 4 (89), pp. 6–16. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-6-16.